
Ирина
Калинина-Марарова
Обратная
сторона
Луны
Область Фемиды
Обратная сторона Луны
Ирина Калинина-Марарова

Ирина Калинина

Обратная сторона Луны: Область Фемиды

https://litres.ru/74964929
SelfPub; 2026

Аннотация

В детстве Ариадну нашли в лесу. На вопрос, где её дом, девочка указала на Луну. Тогда никто не придал её словам значения.

Годы спустя она узнаёт, что каждую земную ночь проживает семь дней в другом мире - среди древних лунных городов, скрытых под поверхностью спутника Земли. Там её ждут восемнадцать цивилизаций, тайны собственного происхождения и сила, способная удержать целый мир от гибели.

Но что произойдёт, когда две реальности начнут бороться за её сознание? И можно ли назвать идеальным мир, в котором нет места человеческой свободе, боли и любви?

Обратная сторона Луны: Область Фемиды история о двух мирах, одной душе и выборе, цена которого может оказаться выше самой жизни.

Ирина Калинина
Обратная сторона Луны: Область Фемиды

«Ты выбрала любовь несовершенного
вместо совершенства пустоты. Это
самый сложный расчет во Вселенной.
Но результат всегда один - больно.»

Пролог

В тот день лес молчал так, словно знал нечто, о чём людям лучше было не знать.

Стоял конец сентября. Небо затянуло низкими свинцовыми облаками, между деревьями тянуло сыростью, а на земле уже лежал первый опавший лист, прилипший к влажному мху. Ветер то и дело раскачивал верхушки сосен, заставляя их скрипеть, словно старые корабли, затерявшиеся в бескрайнем море. По узкой просеке, стараясь не наступать в глубокие лужи, шла женщина. Она возвращалась домой после долгой прогулки и уже собиралась свернуть к дороге, когда услышала странный звук.

Сначала ей показалось, что где-то в кустах пищит раненый зверёк. Она остановилась, прислушалась, но звук повторился, и теперь в нём явственно угадывались человеческие

интонации. Женщина осторожно раздвинула мокрые ветки орешника и замерла.

На небольшом участке земли, окружённом старыми соснами, сидела девочка.

На вид ей было года три. Она была одета в лёгкое светлое платье, совершенно не подходившее для холодной осенней погоды, а босые ноги покрывали грязь и мелкие царапины. Тёмно-русые волосы спутались и прилипли к щекам, на которых блестели слёзы. Девочка не кричала, не звала маму и даже не пыталась подняться, словно уже устала ждать, что кто-нибудь придёт. Она просто сидела, обхватив колени руками, и смотрела на незнакомую женщину большими зелёными глазами.

- Господи, дитя моё, да как же ты здесь оказалась? - прошептала та, опускаясь перед ней на колени.

Девочка молчала.

Женщина осторожно протянула руку, однако ребёнок не отстранился и не испугался, а, напротив, внимательно посмотрел ей прямо в глаза, будто пытался вспомнить что-то важное. В этом взгляде было нечто странное: не детская беспомощность и не настороженность потерявшегося малыша, а какая-то непостижимая серьёзность, совершенно не соответствовавшая её возрасту.

- Где твоя мама, солнышко? Ты с кем пришла?

Девочка перевела взгляд на деревья, затем подняла голову к небу. Сквозь разрыв в облаках виднелся бледный дневной

диск Луны.

- Домой, - наконец произнесла она.

- Так пойдём домой. Где твой дом?

Девочка снова посмотрела на Луну.

- Там.

Женщина невольно оглянулась, хотя прекрасно понимала, что за деревьями, кроме леса и серого неба, ничего нет. Она решила, что ребёнок просто не понимает вопроса, что, возможно, пережил сильный испуг и теперь говорит первое, что приходит ему в голову. Малыши иногда придумывают удивительные вещи, а взрослые слишком часто принимают детскую фантазию за бессмыслицу.

Она сняла пальто, укутала девочку и подняла её на руки. Та оказалась удивительно лёгкой, почти невесомой, и женщина невольно прижала её к себе крепче, словно боялась, что ребёнок может исчезнуть, стоит лишь ослабить объятия.

- Ничего, маленькая. Сейчас найдём твоих родителей.

Но родителей найти не удалось.

В ближайшем посёлке никто не узнал девочку, никто не сообщил о пропавшем ребёнке, а попытки установить её личность не дали результата. Не нашлось ни документов, ни вещей, по которым можно было бы определить, откуда она пришла. Лес прочесали, опросили местных жителей, проверили дороги, однако никто не видел, чтобы в тот день туда заходили с маленьким ребёнком. Самое удивительное заключалось в том, что девочка не могла назвать ни своего

имени, ни адреса, ни имён родителей. Она отвечала на простые вопросы, понимала обращённую к ней речь, но стоило спросить о прошлом, как её лицо становилось отрешённым, а взгляд вновь устремлялся куда-то вдаль.

Когда женщина спросила, как её зовут, девочка долго молчала, а затем тихо сказала:

- Ариадна.

Так у неё появилось имя.

Поначалу девочку собирались временно оставить в детском учреждении, пока специалисты выясняли обстоятельства её появления. Но женщина, нашедшая её в лесу, не смогла вернуться к прежней жизни. Она всё время вспоминала зелёные глаза, тонкие пальцы, сжимавшие край её свитера, и то, как ребёнок прижался к ней, словно ждал именно её. Муж сначала пытался рассуждать здраво, напоминая, что нельзя принимать столь серьёзное решение под влиянием минутного порыва, однако постепенно и он привязался к девочке, которая почти не плакала, редко капризничала и иногда задавала вопросы, заставлявшие взрослых переглядываться.

В конце концов они решили удочерить её.

Ариадна росла в любящей семье, училась говорить, читать и понимать окружающий мир, радовалась игрушкам, обижалась на запреты, болела простудой и боялась оставаться одна в тёмной комнате. Её земные родители не сомневались, что перед ними обычный ребёнок, которому просто не повезло

в самом начале жизни. Они не знали, почему дочь иногда просыпалась с незнакомыми словами на губах, почему могла часами рассказывать о местах, которых никогда не видела, и откуда в её детских рисунках появлялись странные города под каменными сводами, высокие башни без окон и огромные серебристые купола.

Если её спрашивали, где она всё это видела, Ариадна пожимала плечами.

- Во сне.

И взрослые успокаивались, потому что сны бывают у всех.

Никто из них не мог предположить, что в это самое время, далеко за пределами земного мира, существовала другая Ариадна, чья жизнь была связана с той же душой.

***

Глубоко под поверхностью Луны, в недрах древнего базальтового массива, располагался город Селена-Терра. Земные астрономы изучали спутник Земли столетиями, строили карты его кратеров, измеряли состав пород и отправляли к нему автоматические станции, но ни один из их приборов не мог обнаружить то, что скрывалось в толще камня. Там, где с поверхности простирались безжизненные равнины, под землёй существовали жилые уровни, технические галереи, лаборатории и огромные залы, в которых светились сложные системы, созданные цивилизацией, давно научившейся жить в условиях, казавшихся земному человеку невозможными.

Селена-Терра не была единственным поселением. Под

лунной поверхностью существовали и другие города, связанные между собой энергетическими каналами и общей системой резонансной защиты. Восемнадцать цивилизаций поддерживали хрупкое равновесие, а Купол Безмолвия скрывал их от внешнего наблюдения, подавляя сигналы, способные выдать присутствие разумной жизни.

В одном из закрытых комплексов находилась камера, куда не допускали посторонних.

Внутри неё стояли капсулы, каждая из которых поддерживала определённый биологический режим. Прозрачные оболочки были заполнены едва заметным голубоватым свечением, а тонкие линии датчиков сходились к центральной панели, отображавшей состояние тел, находившихся в глубоком восстановительном сне. Одно из них отличалось от остальных.

Девушка, лежавшая в этой капсуле, выглядела примерно так, как могла бы выглядеть земная Ариадна, если бы кто-то увидел её во взрослом возрасте, однако сходство на этом заканчивалось. У неё были более светлые волосы с серебристым отливом, почти прозрачная кожа и глаза необычного серо-голубого цвета, в глубине которых при определённом освещении появлялось золотистое мерцание. Черты лица казались тоньше и строже, а тело было приспособлено к иной гравитации и условиям существования. Никакой земной человек не узнал бы в ней ту маленькую девочку, которую когда-то нашли среди мокрого мха.

И всё же это была она.

В тот момент, когда на Земле Ариадна впервые прижалась к женщине, решившей стать ей матерью, лунная система зарегистрировала изменение, которое не смогли объяснить даже специалисты, обслуживавшие комплекс. Показатели капсулы на несколько секунд вышли за пределы привычных значений, затем вернулись к норме. В журнале наблюдений появилась короткая запись, после чего доступ к ней был закрыт.

Никто не объявил тревогу. Никто не вызвал Совет. Но один из наблюдателей, проверявший данные в ту смену, задержался у панели дольше обычного.

Он знал, что подобные отклонения не возникают без причины.

И он знал, чьё имя стояло в закрытой строке.

Ариадна.

На Луне она уже была связана с системой, которую земные учёные не смогли бы даже представить. Её тело отдыхало в капсуле, пока сознание отсутствовало, а сама она находилась там, куда не проникали обычные способы наблюдения. Её жизнь не начиналась заново каждую ночь и не заканчивалась с рассветом. Она продолжалась в двух мирах, хотя сама девушка ещё долго не могла понять, почему её существование кажется разделённым на две несвязанные части.

Время здесь текло иначе.

Одна ночь на Земле соответствовала семи дням на Лу-

не. Пока земная Ариадна спала несколько часов, её лунная жизнь успевала вместить целую неделю событий: разговоры, работу, встречи, решения и опасности, которые оставляли следы в памяти. Она могла прожить там дни, устать, испытать страх или радость, а затем вернуться в земное тело и проснуться с ощущением, будто провела ночь в невероятно длинном, подробном сне.

Поначалу всё казалось ей лишь игрой воображения. Она не могла объяснить, почему во сне узнаёт незнакомые места, помнит разговоры, которые никогда не слышала на Земле, и чувствует усталость от событий, не имевших отношения к её земной жизни. Иногда ей снилось, что она просыпается в другом теле, смотрит на своё отражение и не узнаёт его, а потом идёт по улицам города, спрятанного под толщей камня. В другие ночи она слышала голоса, ощущала вибрацию стен и чувствовала, как пространство вокруг неё отзывается на звуки, которых не существовало в земном мире.

Но стоило ей открыть глаза на Земле, как странные ощущения постепенно растворялись. Оставались только обрывки воспоминаний, неясная тоска по чему-то неведомому и чувство, будто она забыла важную часть собственной жизни.

С годами Ариадна научилась не придавать этим снам значения. Она привыкла к ним так же, как другие люди привыкают к повторяющимся сновидениям, в которых невозможно объяснить собственное поведение или законы окружающего мира. Ей и в голову не приходило, что во время сна

её душа покидает земное тело и продолжает жить в другом, находящемся на Луне.

А те, кто знал правду, не спешили её раскрывать.

***

Годы шли, и девочка, найденная в лесу, взрослела. Земные родители любили её, старались дать ей всё необходимое и не подозревали, что за пределами их мира существует другая часть её жизни. Они видели в ней порой слишком серьёзного, иногда замкнутого, но в целом обычного ребёнка, которому требовалось чуть больше времени, чтобы привыкнуть к людям и окружающей действительности.

Они не знали, что их дочь каждую ночь проживает семь дней другой жизни.

Не знали, что на Луне её ждут обязанности, о которых невозможно рассказать за семейным ужином, и что однажды она столкнётся с событиями, которые изменят представление не только о себе, но и о самой природе человеческого сознания.

И уж тем более они не могли знать, что пандемия, охватившая Землю, станет границей, за которой привычное объяснение всему происходящему перестанет работать.

Когда земное тело Ариадны окажется в критическом состоянии, когда врачи будут бороться за её жизнь, а родители - ждать у больничной палаты хоть малейшего признака возвращения дочери к сознанию, лунная Ариадна продолжит жить. Только теперь между двумя мирами исчезнет прежняя

граница, а то, что прежде казалось сновидением, станет реальностью, от которой невозможно будет проснуться.

И тогда ей придётся узнать правду.

Почему её нашли в лесу в три года? Кто знал, что она появится именно там? Откуда взялось тело, в котором она живёт на Луне? И почему её душа способна соединять два мира, тогда как другие люди даже не подозревают о существовании этой связи?

Ответы существовали задолго до того, как Ариадна научилась произносить собственное имя.

Но пока она ничего не знала.

На Земле маленькая девочка спала в своей кровати, укрытая тёплым одеялом, а за сотни тысяч километров от неё в прозрачной капсуле медленно открывались серо-голубые глаза другой Ариадны.

Луна вступала в очередной семидневный цикл.

И история, которую однажды назовут историей Мастера Резонанса, продолжалась.

Глава 1. Точка на темном диске

Воздух в квартире казался густым, как остывший клейстер. Ариадна втягивала его ноздрями - короткими, судорожными порциями, чувствуя, как каждый грамм кислорода царапает воспаленную трахею наждаком. Двадцать седьмой день самоизоляции слился в один бесконечный серый

полдень, пахнущий озоном от дешевого увлажнителя и паранойей из новостных лент. Экран ноутбука мигал красным: «Ошибка соединения». Мир за окном существовал только в виде звуков - редких сирен скорых, монотонного скрипа дворницкой лопаты по сухому асфальту и глухого баса сабвуфера где-то у соседей снизу.

Чтобы не сойти с ума окончательно, она начала разбирать балконный хлам - наследие прошлых жильцов съемной квартиры на Петроградской стороне. Среди пожелтевших подшивок журнала «Наука и жизнь», банок с засохшей гуашью и мотков спутанной лески ее пальцы наткнулись на неожиданную тяжесть. Книга была старой, советской, в ледериновом переплете цвета запекшейся крови. «Атлас обратной стороны Луны», издано Главным управлением геодезии и картографии СССР в 1965 году. Бумага внутри хрустела, как осенние листья, и пахла пылью, ванилью и чем-то металлическим - запахом ушедших империй.

Ариадна листала плотные страницы просто ради тактильного контраста с гладким холодом сенсорного экрана телефона. Вот Море Спокойствия, исполосованное следами роверов. Вот кратер Тихо с его ослепительными лучами, расходящимися на тысячи километров. Она перевернула страницу, чтобы посмотреть на условные обозначения, но взгляд зацепился за то, чего там быть не должно. На обороте титульного листа карты видимой стороны, там, где типография обычно оставляла пустоту или технические метки контро-

ля печати, проступало изображение. Оно не было напечатано. Тончайшая, едва заметная точка мерцала в левом нижнем углу темного диска, у самого среза бумаги, словно кто-то капнул расплавленным серебром. Рядом шла микроскопическая вязь курсива, нанесенная чем-то похожим на старую ртуть: Regio Frigoris... Regio Crisium... Regio Thetidis.

Область Фемиды.

Пальцы, сжимавшие край страницы, онемели мгновенно. Это было похоже на микроинсульт —-внезапное обледенение конечностей и звон в ушах, вытесняющий все остальные звуки. Ариадна моргнула, пытаясь смахнуть пелену. Но пелена пришла изнутри. Запах хлорки дезинфекторов, въевшийся в обои запах чужого пота и разогретого пластика мгновенно исчез, сменившись сухим, металлическим ароматом, который невозможно спутать ни с чем другим - запахом реголита, раскаленного дневным солнцем до ста пятидесяти градусов и мгновенно замерзающего в тени до минус двухсот.

Она стояла на смотровой платформе города Селена-Терра.

Вместо пластикового подоконника со слоем серой пыли под ладонями вибрировал теплый кварцевый поручень. Вместо серого питерского неба, затянутого низкими облаками, над головой расстилалась бархатная, абсолютная чернота космоса, прошитая иглами звезд, которые здесь не дрожали от атмосферной рефракции. А внизу, под прозрачным

куполом платформы, ворочалось Солнце. Оно не всходило - оно медленно всплывало из-за иззубренного края кратера Коперник, заливая долину расплавленным золотом. Свет здесь имел вес. Он давил на плечи приятной, теплой тяжестью, проникая сквозь кожу прямо к костям.

- Опять опаздываешь, Резонатор, - раздался голос рядом. Он звучал без помощи звуковых волн, рождаясь прямо в центре черепа, чистый от помех.

Старик Верий стоял, опираясь на трость из живого кристалла. Его кожа напоминала пергамент, туго натянутый на тонкие птичьи кости, а глаза были молочно-белыми, без зрачков - он давно отказался от бионических линз, предпочитая видеть мир через эхо-поля базальтовых сводов.

- Синхронизация узлов дала погрешность в три земные секунды, - ответила Ариадна машинально, чувствуя, как язык сам формирует привычные слова лунального диалекта. Горло не саднило. Легкие наполнялись воздухом легко и свободно, обогащенным ионами серебра и запахом озона после ночной грозы, которой никогда не бывает на мертвом камне.

Верий беззвучно усмехнулся, отчего сетка морщин вокруг глаз стала глубже, превратив его лицо в высохшее русло древней реки.

- Три секунды для них - это повод начать новую войну за ресурсы. Идем. Совет Восьми уже нервничает. Сегодня твой черед держать северный сектор.

Проблематика этого мира вплеталась в саму архитектуру

их тел. Восемнадцать цивилизаций Области Фемиды выжили здесь не благодаря технологиям добычи гелия-3 или термоядерному синтезу, а вопреки им. Когда первые колонисты Земли - истощенные, больные остатки человечества времен Великого Раскола - рухнули на обратную сторону Луны, они принесли с собой вирус страха. Страх перед замкнутым пространством, генетическую память о предательстве, первобытный ужас голода. Чтобы не перегрызть друг другу глотки в тесных лавовых трубках, им пришлось мутировать. Эволюция пошла по пути эмпатии. Они научились слышать резонанс чужой нервной системы, превращая боль соседа в свой собственный тремор.

Ариадна родилась здесь. Для нее Земля была лишь тусклым голубовато-зеленым призраком, висящим в южной части черного небосвода - легендой, страшной сказкой про место, где люди запирают себя в бетонных коробках и травят легкие дымом, потому что панически боятся открытого пространства.

Они шли по спиральному пандусу вниз, к Сердцу Города. Стены тоннеля светились мягким мхом-светоносом, реагирующим на шаги пульсирующим бирюзовым сиянием. Навстречу тек поток существ. Здесь не было толчеи - плотность движения регулировалась коллективным бессознательным так же точно, как давление в шлюзах. Высокие, почти прозрачные Дети Света скользили вдоль потолка, впитывая энергию искусственных соляриев, встроенных в поро-

ду. Коренастые Архитекторы Пустоты везли на гравитационных платформах блоки спеченной пыли, меняя ландшафт пещер одним движением руки. Мастера Форм лениво перестраивали геометрию проходов, заставляя камень течь, как горячий воск.

Ариадна кивнула знакомому Навигатору Снов - девушке с кожей цвета глубокого индиго, чьи волосы, казалось, состояли из застывших волокон оптоволокна. Та улыбнулась в ответ, и Ариадна физически ощутила волну спокойствия, омывшую ее сознание, смывающую раздражение от трехсекундной задержки. Так работала их связь. Никаких слов не требовалось. Если бы сейчас кто-то в радиусе ста метров почувствовал тревогу, город окрасился бы в тревожные багровые тона, включив протокол деэскалации.

Но сегодня воздух был окрашен в цвет бледного меда. Цвет легкой меланхолии.

- Потеря? - тихо спросила Ариадна, когда они миновали Мемориальные Ворота, ведущие в открытый вакуум - туда, где стояли телескопы дальнего наблюдения.

- Почти, - отозвался Верий, тяжело опираясь на трость. Звук удара металла о кварц прозвучал глухо. - Третья экспедиция к Океану Бурь. Их капсула попала в микрометеоритный поток. Связь держится на честном слове и силе воли пилота. Им нужен якорь, иначе психика рассыплется до того, как спасатели пробьют завал. Ты чувствуешь амплитуду?

Ариадна остановилась и закрыла глаза. Она больше не ви-

дела потока лунян. Весь мир сузился до вибрации. Город дышал. Миллионы сердец бились в унисон, создавая низкочастотный гул, уходящий глубоко в базальтовый фундамент планеты. Но сквозь эту симфонию жизни прорывался диссонанс - тонкий, истошный визг на грани ультразвука. Страх восемнадцати человек, запертых в железной банке посреди вакуума, лишенный кислорода и надежды.

- Частота падает, - констатировала она, открывая глаза. Зрачки ее на мгновение вспыхнули перламутром, отражая невидимый спектр. - Если мы не дадим им ритм, они начнут жрать друг друга через час. Классическая земная клаустрофобия, усиленная нулевой гравитацией.

- Тогда пой, - велел Верий. Голос старика стал жестким, командирским. - Только помни правило пятнадцати процентов. Не отдавай им свой корень. Нам еще щит ставить вечером, если астрономы снова полезут со своими радарами.

Щит. Главная проблема их существования, дамоклов меч, висящий над утопией. Область Фемиды находилась на обратной стороне Луны, вечно отвернутой от Земли. Природа сама создала идеальный бункер. Но двадцать лет назад астрономы с Земли, вооруженные новыми адаптивными оптическими системами, начали прощупывать этот «слепой» участок радарными импульсами высокой частоты. Пока импульсы были слабыми, лунная кора рассеивала их. Но человечество становилось голоднее. Лазеры становились мощнее. Еще немного - и пучок когерентного света пронзит тон-

чайшую мембрану древних магнитных аномалий, скрывающую города от любопытных глаз. Люди увидят свет. И тогда придут корабли. Не для контакта. За ресурсами. За новой территорией. За рабами, способными дышать в вакууме. Восемнадцать мирных цивилизаций станут для них просто полезным ископаемым.

Их единственным оружием был Купол Безмолвия - гигантская звуковая ловушка, генерируемая Мастерами Резонанса. Она искажала пространство-время так, что любой земной сканер видел лишь мертвый, монолитный базальт. Но Купол пожирал колоссальное количество энергии. Той самой энергии, которую Мастера брали из своих собственных жизненных циклов.

Они вышли в Центральную Чашу. Огромный амфитеатр, выдолбленный в жерле древнего вулкана, стены которого были инкрустированы жилами чистого золота и платины. В центре, паря в полуметре от пола, висел Сингулярный Ключ - сфера из абсолютно черного материала, поглощающая весь свет и испускающая взамен тихую мелодию сфер. Вокруг него стояли семеро Хранителей. Их лица были бесстрастны, маски идеального самоконтроля, но Ариадна читала их тела, как открытую книгу: сведенные лопатки Архитектора Ночи выдавали усталость; пульсирующая венка на шее Девы Тектоники кричала о сдерживаемой боли перенапряжения связок.

- Время, - произнес Главный Резонатор, женщина, чье имя

звучало как удар колокола, хотя губы ее не шевельнулись.

Ариадна шагнула вперед. Она сняла защитные перчатки из тонкой кожи. Ее ладони легли на холодный, влажный (конденсат вымерзания при контакте с теплом рук) металл сферы. Она почувствовала, как Ключ тянет из нее тепло, жадно, нетерпеливо. Закрыв глаза, она сделала вдох, погружаясь в самую глубину своего естества. Ей нужно было найти частоту покоя. Ту единственную ноту, которая заставляет мышцы расслабляться, а разум - перестать искать врагов во тьме.

Она начала петь.

Это не было звуком в земном понимании. Воздух в Чаше не колебался. Пело само пространство, каждая молекула газа, каждый атом кремния в стенах. Низкий, утробный гул зародился где-то в районе диафрагмы Ариадны и пошел наружу, резонируя с костями. Сначала он ощущался как легкая щекотка в зубах. Затем частота поднялась. Золотистое марево начало сгущаться вокруг Ключа, уплотняясь, обретая форму линзы. Семеро Хранителей синхронно положили свои ладони поверх рук Ариадны, замыкая цепь. Их сознания сплелись в единый узел чистой математики.

Перед внутренним взором Ариадны поплыли уравнения плотности атмосферы, графики преломления света, топографические карты пещер. Она перекачивала математику бытия в звук. Гул становился невыносимым, вибрация нарастала. По спине градом катился пот, тут же испаряясь в

сухом воздухе зала. Пятнадцать процентов. Нельзя отдавать больше, иначе завтра она не сможет встать. Она должна оставить себе силы на Землю.

Земля. Мысль вонзилась в мозг ядовитой занозой. Там, за сотни тысяч километров, в душной коробке с желтыми стенами и отстающими обоями, лежало ее другое тело. Подключенное к пластиковым трубкам. Дышавшее с трудом, преодолевая сопротивление аппарата. Вспоминающее Луну как бред, как галлюцинацию умирающего мозга.

Резонанс дрогнул. Золотистое марево пошло рябью, покрываясь трещинами.

- Держи ось! - рыкнул Верий по внутренней связи, вкладывая в ментальный канал такой заряд бодрости, что у Ариадны свело скулы.

Она тряхнула головой, отгоняя видение больничной палаты, запаха спирта и липкого холода электродов. Сейчас нет ничего. Есть только вакуум за тонким слоем камня, есть лазерный луч с Земли, готовый вот-вот лизнуть поверхность, и есть восемнадцать жизней в Океане Бурь, цепляющихся за ее голос, как за последнюю нить.

Она отдала еще пять процентов. Ключ вспыхнул слепящим антрацитовым светом. Волна тишины покатилась от центра Чаши к стенам, смывая все лишние звуки, гася вибрацию тревоги. Пространство выгнулось дугой.

Держать.

Сфера приняла критическую массу. Ударная волна чи-

стой геометрии ушла вверх, сквозь миллионы тонн породы, сквозь мертвую пыль, прямо навстречу земному лазеру. На Земле, в центрах управления полетами NASA и Роскосмоса, спектрографы сошли бы с ума, показывая вместо ожидаемого спектрального профиля льда чистую абракадабру хаоса.

Здесь же наступила звенящая пустота.

Ариадна убрала руки. Ноги подогнулись. Энергии не осталось даже на поддержание мышечного тонуса. Верий успел подхватить ее под локоть жесткой, сухой рукой.

- Хорошая работа, девочка, - прохрипел он ей на ухо. - Теперь иди спать. Север чист.

Она кивнула, пошатываясь. Комната плыла перед глазами. Энергетическое истощение всегда сопровождалось легким сдвигом восприятия - стены слегка изгибались, подчиняясь остаточным гармоникам песни, мебель отбрасывала две тени вместо одной.

- Я провожу, - сказал старик, закидывая ее руку себе на плечо. Несмотря на возраст, мускулы под ветхой тканью туники были твердыми, как корабельный канат.

Они шли по коридору медленнее обычного. Ариадна прислонилась плечом к теплому камню, пытаясь восстановить баланс электролитов. Желание увидеть тот желтый атлас стало почти физическим голодом. Словно бумага могла дать ей нечто, чего не хватало здесь, среди совершенства. Какого-то изъяна. Какой-то неправильности, делающей реальность настоящей.

- Ты опять смотрела на восток, пока пела, - вдруг сказал Верий, не поворачивая головы. Его белые глаза смотрели сквозь стену. - Я чувствовал вектор твоих мыслей. Ты тянешься туда. К гравитации-тянитолкай.

- Мне просто интересно, - соврала Ариадна, хотя ложь здесь была бессмысленна - он читал трепетание ее блуждающего нерва лучше, чем кардиограмма. - Каково это - падать бесконечно.

- Это больно, - отрезал Верий. - Мы ушли оттуда, чтобы научиться стоять. Забудь. Твоя кровь принадлежит этому камню.

Он довел ее до жилой ячейки. Проекция двери растворилась, пропуская их внутрь. Белые стены, выдвижная кровать, терминал связи. Идеальная стерильность улья.

- Отдыхай, Резонатор. Завтра нам латать Озоновый Разлом. И постарайся не влюбиться в кислород этой планеты. Он токсичен для таких, как ты.

Когда дверь сомкнулась за ним, отсекая внешнее эхо, Ариадна наконец позволила телу упасть на упругую поверхность койки. Сон должен был забрать ее мгновенно - защитный механизм организма после глубокого резонанса выключает кору головного мозга, переводя систему в режим дефрагментации. Но вместо темноты веки снова обожгло белым.

Белым кафелем. Белым блеском нержавеющей стали. Болью. Трубка в горле. Невозможность сглотнуть. Сухость сли-

зистых. Рука привязана к железному бортику кровати толстой кожаной петлей - мера предосторожности для пациентов в делирии. Мерное, механическое шипение аппарата, качающего кислород в умирающие легкие. Запах антисептика забил нос, вытесняя аромат реголита и озона.

Она закричала, но из перехваченного спазмом горла вырвался лишь слабый стон, перешедший в бульканье жидкости в бронхах. Аппарат ИВЛ возмущенно пискнул, реагируя на попытку самостоятельного вдоха против давления клапана.

- Тише-тише, маленькая, - раздался мужской голос совсем близко. Голос был низким, обволакивающим, с легкой картавостью, совершенно неуместной в этой операционной тишине реанимации. - Не дергайся. Дай машине поработать.

Чьи-то прохладные, уверенные пальцы легли на ее лоб, стирая испарину. Прикосновение послало по коже разряд тока, не болезненный, а анестезирующий, блокирующий панические рецепторы. Паника, разрывавшая грудную клетку, внезапно отступила, спряталась куда-то вглубь позвоночника. Взгляд сфокусировался.

Над ней склонилось лицо. Молодое, резкое, с высокими славянскими скулами и легкой небритостью. Медбрат. На бейджике, приколотом к зеленому хлопку, значилось «Илья», но буквы двоились и плясали, отказываясь складываться в слово. Его глаза оказались поразительного оттенка - темно-серые, цвета лунного неба перед рассветом, когда

солнце еще не коснулось горизонта, но уже подсвечивает пепельную атмосферу снизу.

- Где... - просипела она, сорванный голос царапал связки стеклом.

- Дома, - мягко ответил Илья, поправляя трубку ИВЛ зажимом. Его пальцы двигались быстро и точно, вызывая странное чувство безопасности, будто он собирал сложный часовой механизм, а не возился с пластиком.

- Просто дома теперь много проводов. Спи. Тебе нужно строить новые альвеолы.

Его рука все еще лежала на ее лбу. Ариадна хотела спросить, откуда он знает слово «альвеолы» с таким уважением, будто говорит о драгоценных камнях. Хотела спросить, почему запах озона никуда не делся, смешиваясь с запахом лекарств в причудливый аромат будущего. Но веки налились свинцом. Последним, что она увидела, прежде чем провалиться в медикаментозную темноту, была крошечная серебристая пылинка, запутавшаяся в ресницах медбрата. Она поблескивала точь-в-точь как песок Области Фемиды в свете двух восходящих Земель.

Глава 2. Утро на мертвом камне

Пробуждение в Селена-Терра не имело ничего общего с судорожным выныриванием из медикаментозного сна Земли. Здесь темнота была плотной, бархатной и целебной. Сон

забирал Ариадну мгновенно, стирая острые углы памяти хирургическим скальпелем покоя, а возвращал бережно, слой за слоем восстанавливая связь нейронов. Она открыла глаза ровно за микросекунду до того, как мох-пульсар под потолком начал свой утренний цикл смены спектра.

Темнота отступила, сменившись глубоким индиго. Затем - цветом морской волны. И наконец вспыхнула мягким персиковым светом земного рассвета, хотя никакого солнца под куполами лавовой трубки быть не могло. Это был лишь симуляр, настроенный по старой привычке тех, чьи предки когда-то смотрели вверх, на голубой шар. Ариадна села на краю койки. Тело отозвалось звенящей легкостью. Гравитация здесь составляла едва ли шестнадцать процентов от земной - достаточно, чтобы кровь не приливала к голове и предметы не улетали от случайного вздоха, но слишком мало для тяжести ответственности.

Она подошла к умывальнику. Вода полилась из крана без звука, повиснув в воздухе идеальной сферой размером с кулак прежде, чем магнитное поле мягко направило ее в керамическую чашу. Никакого плеска. Только вибрация чистоты. Ариадна умылась, глядя на свое отражение. Кожа казалась почти прозрачной, подсвеченной изнутри перламутром - побочный эффект работы с резонансными частотами. «Жаль, что Землянам такой эффект не подвластен, иначе очереди к косметологам значительно стали меньше» - Арианда улыбнулась. Под скулами залегли тени чуть глубже

обычного. Вчерашний щит все еще тянул жилы. Она собрала в тугой пучок темно-русые волосы и спрятала в капюшон.

Город просыпался беззвучно. В отличие от Земли, где утро начиналось с рева моторов, криков дворников и гула миллионов встревоженных разумов, утро на Луне было актом чистой архитектуры. Ариадна распахнула створку окна своей ячейки. Вместо стекла здесь стояла мембрана силового поля: она пропускала молекулы воздуха внутрь для циркуляции, но удерживала давление и тепло.

Перед ней раскинулась Селена-Терра. Город занимал гигантскую систему лавовых трубок, оставшуюся со времен, когда Луна еще дышала огнем. Потолок пещеры уходил во тьму на полкилометра вверх, теряясь в сплетении естественных сталактитов и инженерных ферм. Стены города были живыми. Архитекторы Пустоты не строили дома из камня - они убеждали камень стать домом. Фасады зданий плавно перетекали друг в друга, образуя единый текучий массив цвета слоновой кости и застывшего меда. Никаких прямых углов. Геометрия этого места подчинялась фракталам и золотому сечению; взгляд нигде не находил точки покоя, постоянно скользя по плавным изгибам, что успокаивало нервную систему лучше любого лекарства.

Улицы отсутствовали в земном понимании. Транспортная система состояла из колец. Левитационные платформы, похожие на плоские капли ртути, скользили по невидимым магнитным желобам вдоль стен и потолка. Сейчас мимо ок-

на Ариадны бесшумно проплыла такая капля, полная Детей Света. Их тела были высокими, почти истощенными, кожа светилась слабым ультрафиолетом - они перерабатывали энергию искусственных соляриев прямо в свои клетки. Они не разговаривали ртом, общаясь вспышками биолюминесценции на кончиках пальцев.

Проблематика восемнадцати цивилизаций заключалась в их абсолютной специализации. Чтобы выжить в консервной банке на глубине двухсот метров под поверхностью мертвой планеты, человечеству пришлось забыть слово «индивидуальность». Дети Света генерировали плазму. Без них погаснут лампы, остановятся поезда. Архитекторы Пустоты держали своды. Если один из них уснет или отвлечется, миллион тонн базальта рухнет, превратив город в могилу. Мастера Форм работали с микрогравитацией, создавая мебель, инструменты и одежду из спеченной лунной пыли. Навигаторы Снов патрулировали ментальное пространство. Они были врачами-психиатрами, которые лечили коллективное бессознательное города, вырезая опухоли страха и паники до того, как те материализуются в виде тахикардии или бунта.

И были Мастера Резонанса. Те, кто стоял на границе миров. Те, чьими голосами пелся Купол Безмолвия.

Ариадна коснулась своего горла. Кожа под пальцами вибрировала низким гулом - фоновым излучением города. Для нее этот мир звучал симфонией. Каждый житель был инструментом. Дети Света давали высокий, чистый звон хруста-

ля. Архитекторы - густой рокот литавр. Навигаторы - шелест струнных. Когда они работали вместе, рождалась гармония, способная держать атмосферу. Но стоило выпасть одной ноте...

- Частота падает, Мастер.

Верий стоял позади неслышно. Он уже сменил ночную тунику на рабочий комбинезон из плотного графена. Его белые глаза сегодня казались слепыми пятнами на высохшем лице.

- Я чувствую, - кивнула Ариадна. - Восточный сектор хрипит. Там снова утечка в системе конденсации?

- Хуже, - старик подошел к окну, опираясь на трость. Он смотрел вниз, на поток левитационных платформ. - У нас гость. Спонтанный пробой.

Ариадна напряглась. Пробои случались редко - обычно это были мелкие метеориты, прошивающие внешнюю кору. Но Верий использовал термин «гость». Так называли тех, кого выбрасывало сюда через разломы времени-пространства, души умирающих, которые погрузились, как и Ариадна в кому на Земле. Осколки других катастроф.

- Кто? - спросила она, уже зная, что ответ ей не понравится.

- Девочка. Лет пять по земному циклу. Выпала из вентиляции третьего яруса. Биосканеры показывают нулевую адаптацию. Ее легкие сейчас превратятся в кровавую кашу от перепада давления, если мы не стабилизируем поле вокруг нее.

Ариадна закрыла глаза и расширила восприятие. Она больше не видела Верия или стены комнаты. Она потянулась сознанием к Восточному терминалу. Да. Вот оно. Тонкая, истеричная нота лязгающего металла и обреченного визга. Чистое отчаяние ребенка, запертого в темноте. Звук бил по нервам сильнее любого лазера.

- Она бьет стаккато, - прошептала Ариадна. - Ритм рваный. Если мы просто включим общий протокол успокоения, она подавится собственным ужасом.

- Значит, нужна точечная работа, - Верий выпрямился, отбрасывая личину уставшего старика. Теперь он был Главой Совета. - Ты пойдешь туда. Лично. Возьми Каэла для поддержки гравитации. Вытащите ее. Настройте. Сделайте так, чтобы она замолчала, не разрушив себе гортань.

Он не просил. Он отдавал приказ. Проблема утопии всегда проста: ради спасения одного миллиарда ты должен лично спуститься в ад ради одного человека.

- Я готова, - Ариадна развернулась.

Они шли по спиральным галереям навстречу звуку. Чем ближе подходили к Восточному шлюзу, тем плотнее становился воздух. Эхо девочки металось между стен, отражаясь от гладкого базальта. Ариадна начала работать связками еще на подходе, вплетая свой голос в хаос. Она не пыталась перекричать страх. Она оплетала его паутиной низких альфа-частот, создавая каркас, клетку, внутри которой звук девочки не сможет причинить ей вреда.

Восточный терминал напоминал преисподнюю. Красные аварийные огни пульсировали в такт разрывающемуся сердцу ребенка. Огромные вентиляторы системы жизнеобеспечения замерли - автоматика отключила их, чтобы вибрации не разорвали барабанные перепонки малышки. Сама девочка скорчилась в углу, за блоком силовых конденсаторов. Человеческий детеныш. Земной. Русые волосы стояли дыбом от статического электричества, лицо перемазано сажей и слезами. Одета в странную фланелевую рубашку с вышитым зайцем - абсолютно чужеродный артефакт среди титана и кварца.

Завидев две фигуры в мерцающих комбинезонах, ребенок издал новый вопль. Звук ударил по ушам физической волной. Каэл поднял руку. Воздух перед девочкой задрожал и уплотнился, превращаясь в звуковой барьер - крик отразился обратно, не пройдя дальше.

Ариадна шагнула вперед. Она опустилась на колени прямо на холодный пол, игнорируя боль в суставах от резкой смены высоты. Она стала меньше ростом. Неопасной. Она смотрела не в глаза ребенку - прямой взгляд хищника или спасателя напугает еще сильнее. Она смотрела на пятно света от аварийной лампы на стене.

Она начала петь. Это не была мелодия колыбельной. Это был звук самой Лавовой трубки. Низкий, утробный гул тектонических плит. Шипение газа, выходящего из пор породы. Медленный, глубокий ритм сердца горы. Ариадна копи-

ровала частоту дыхания девочки, постепенно замедляя его. Вдох... пауза... выдох. Она делала это своими легкими, заставляя тело ребенка зеркально повторять ритм Мастера.

Девочка захлебнулась криком. Попыталась вдохнуть еще раз, но наткнулась на мягкий барьер голоса Ариадны. Мозг, лишенный возможности паниковать физиологически, вынужден был переключиться. Зрачки ребенка расширились, поглощая тусклый красный свет. Визг перешел в дрожащий всхлип, а затем - в тишину.

Ариадна протянула ладонь. На коже мерцали крошечные частицы реголита, притянутые статикой. Она не касалась девочки физически. Она позволила своему полю соприкоснуться с полем ребенка. Провела диагностику. Нервная система выгорела от шока. Минус земная гравитация, плюс избыток кислорода, плюс акустический удар - организм находился на грани остановки.

- Дай мне свою тоску, - прошептала Ариадна, позволяя частоте своего голоса войти в резонанс с миндалевидным телом мозга ребенка.

Она сделала то, чему учат всех детей на Луне с рождения. Она открыла себя. Приняла чужой страх. Но не оставила его себе. Она пропустила его сквозь свой позвоночник, трансформировав ужас одиночества в ощущение тепла материнских рук. Химия мозга девочки изменилась. Кортизол упал. Окситоцин взлетел.

Ребенок моргнул. Посмотрела на Ариадну. И вдруг тихо,

доверчиво улыбнулась. Протянула грязную ручку и коснулась серебристой искры на ладони Мастера.

- Мама? - прошептал детский голос. - Мне приснилось падение?

- Нет, маленькая, - ответила Ариадна, осторожно беря девочку на руки. Тело ребенка показалось ей невесомым, почти бесплотным. - Тебе приснился полет. Но мягкая посадка уже произошла. Мы тебя поймали.

Каэл снял звуковой щит. Красный свет погас, сменившись спокойным персиковым утром. Вентиляторы мягко возобновили вращение.

- Куда ее? - спросил Архитектор, глядя на землянку. В его голосе не было брезгливости, только практический интерес инженера к сломанному механизму.

- В Инкубатор к Навигаторам, - Ариадна прижала теплое тельце к груди. От девочки пахло гарью, озоном и молоком. - Пусть сотрут память о падении, но оставят знание о том, что внизу есть дом. Нам нужны новые уши. Старые начинают глохнуть от собственной важности.

Она понесла ребенка прочь из терминала, чувствуя, как маленький кулачок цепляется за ее рабочую куртку. В этом и была суть их мира. Жестокая математика выживания, помноженная на абсолютную эмпатию. Они забрали ее жизнь там, на Земле, чтобы дать ей новую здесь. Потому что пустота космоса не терпит незавершенных аккордов.

Когда двери шлюза сомкнулись за спиной, отрезая крас-

ный свет тревоги, Ариадна почувствовала вибрацию вызова на браслете. Текстовое сообщение от Службы Внешнего Контроля. Всего два слова, высветившиеся на кристалле:

(СИСТЕМА: ЩИТ-ВОСТОК. СРОК: 18:00.)

Легкость, которую она чувствовала после спасения девочки, испарилась. Вечер наступит быстро. И сегодняшний концерт для лазеров NASA будет стоить ей гораздо дороже, чем простая усталость.

Глава 3. Провал

Возвращение в тело никогда не бывает мягким. Это всегда удар о твердую поверхность с большой высоты, только падать приходится внутрь собственного черепа. Грань между мирами истончилась до предела - мембрана Купола Безмолвия вибрировала на невыносимой ноте, принимая на себя лазерный луч с Земли, и Ариадна вложила в этот щит последние остатки своего корня, своей жизненной силы. Она помнила тепло детского тельца на руках, запах гари и базальта, тихое «Мама?»...

А потом мир выключили.

Не было перехода. Не было тускнеющего света. Просто бесконечная толща ледяной воды, сомкнувшаяся над головой. Давление раздавило грудную клетку. Легкие, привыкшие к чистому эфиру лунных пещер, обожгло химическим огнем. Попытка сделать вдох превратилась в пытку: что-то

чужеродное, резиновое и холодное перекрыло трахею, механически раздувая альвеолы воздухом, который пах озоном, спиртом и смертью.

Она открыла глаза.

Потолок был мертвенно-белым. Не мягкий персиковый свет мха-пульсара, а слепящая люминесцентная панель, издающая едва слышный высокочастотный зуд, от которого сводило зубы и хотелось выцарапать себе глазные яблоки. Белый цвет здесь казался агрессивным, стерильным цветом пустоты. Пластиковой смерти.

Ариадна попыталась сесть. Инстинкт Мастера Резонанса требовал оценить повреждения периметра, проверить целостность свода. Но шея отказалась повиноваться. Мышцы одеревенели. Она опустила взгляд ниже. Грудь была перетянута широким кожаным ремнем безопасности. Руки лежали вдоль тела — левая свободна, правая примотана к борту кровати толстой полосой ткани. Из тыльной стороны ладони тянулась прозрачная трубка капельницы, закрепленная пластырем. По ней медленно полз желтоватый раствор.

Белый потолок. Пластиковый привкус во рту. Шипение.

Звук заполнил собой все пространство. Мерное, ритмичное пш-ш-ш... пш-ш-ш... Механический вздох. Чужой выдох. Аппарат искусственного жизнеобеспечения дышал за нее, нагнетая кислород в легкие, которые больше не хотели работать сами. Каждый цикл аппарата сопровождался легким подергиванием ее грудной клетки - диафрагма сопро-

тивлялась вторжению.

- Гипоксическая энцефалопатия. Глубокая стадия. Голос прозвучал откуда-то слева.

Он не принадлежал Верию. В нем не было бархата лунного резонанса. Только сухая усталость старой бумаги и хлорки. Ариадна скосила глаза. Мужчина в светло-голубом халате поверх шерстяного свитера стоял у монитора, выводя пальцем графики на планшете. Рядом перемигивались зеленые и желтые линии. Прямая линия, перечеркнутая красным. Всплеск. Снова прямая.

- Сатурация падает, Аркадий Семенович, - женский голос, молодой, но сорванный от долгого дежурства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.